

Постельных принадлежностей дома было немного. Сюн Цзиньчжоу достал зимние, и Нин Гуйчжу, подперев подбородок рукой, спросил:

— Нет чего-нибудь потоньше?

Солнце сейчас припекало вовсю, и на такой толстой подстилке можно было вспотеть. Сюн Цзиньчжоу порылся в сундуке и достал веер из рогоза:

— Я буду тебя обмахивать.

Голос у него был такой радостный, будто это было какое-то великое счастье. Нин Гуйчжу хотел ещё что-то сказать, но Сюн Цзиньчжоу уже взял его за запястье и подвёл к кровати.

— Всё-всё, спи. Я обниму тебя, и будем вместе обмахиваться.

Нин Гуйчжу: «...»

Двери и окна спальни были распахнуты настежь. Они лежали рядом в одной нижней одежде, длинные волосы свисали с края кровати, а качающийся веер приносил лёгкий ветерок, унося жар раннего лета. Незаметно Сюн Цзиньчжоу тоже уснул. Рука с веером лежала на Нин Гуйчжу, ещё некоторое время вяло покачивалась, а потом совсем замерла.

Без прохладного ветерка спящие вскоре почувствовали духоту. Нин Гуйчжу сонно пошевелился в объятиях Сюн Цзиньчжоу, нащупал веер, забрал его из его руки и сам начал обмахивать.

Этот сон не был долгим. Веер переходил из рук в руки, и, когда они наконец выпалились, проснулись сразу, без малейшего желания ещё поваляться. Нин Гуйчжу сел, приводя в порядок уже полностью высохшие волосы, и, взглянув на Сюн Цзиньчжоу, который убирал постель, сказал:

— Цзиньчжоу, посмотри, нет ли на ней пота. Если есть, вынеси ещё просушить.

— Нет, не переживай, — ответил Сюн Цзиньчжоу.

Погода уже стала жарче, но всё же ещё не настолько, чтобы от сна выступал пот.

Нин Гуйчжу как раз проверил спину, потянув одежду, и, услышав ответ, тихо «угукнул». Затем нашёл деревянную шпильку и собрал волосы. Когда спина освободилась, он сразу почувствовал прохладу и с удовольствием выдохнул.

— Цзиньчжоу, я заплету тебе волосы, — сказал Нин Гуйчжу, доставая прежнюю тканевую ленту для волос.

Сюн Цзиньчжоу сел на табурет и позволил ему возиться со своими длинными волосами. Пальцы Нин Гуйчжу проходили сквозь пряди. Он сделал ему другую причёску и, укладывая волосы, сказал:

— Вчера я сшил тебе повязку, но на ней ещё немного вышивки не закончено. Когда доделаю, будешь ею пользоваться.

— Угу, — отозвался Сюн Цзиньчжоу. — Не спеши, делай понемногу. Только глаза не перенапрягай.

Нин Гуйчжу с улыбкой согласился.

Закончив с причёской, они вышли из спальни. Спали они недолго, до обычного времени ужина оставалось ещё немало. Под навесом щенки всё ещё с упоением грызли кости. Кости заметно уменьшились - по сравнению с тем, какими были до их ухода в спальню, они стали меньше больше чем на треть. Нин Гуйчжу присел рядом и некоторое время наблюдал. Эрцай поднял голову, посмотрел на человека, потом на кость, после чего подхватил её и перелёг в другое место, продолжая грызть. Даван же почти не отреагировал. Он лежал на земле, прижимая кость лапами, и только быстро виляющий хвост выдавал его хорошее настроение.

Сюн Цзиньчжоу стоял рядом и наблюдал за щенками. Потом он наступил ногой на кость Эрцай.

— Уже начал охранять еду?

— А? — Нин Гуйчжу посмотрел на Эрцай. — Это тоже считается охраной еды?

Он-то думал, что такое поведение обязательно сопровождается агрессией.

— Считается, — ответил Сюн Цзиньчжоу. — Пока не серьёзно, но потакать нельзя. Иначе потом не получится брать его в горы.

— Зачем брать его в горы?

Услышав вопрос, Сюн Цзиньчжоу похлопал Эрцай по голове:

— Из него выйдет хорошая охотничья собака. Конечно, нужно водить его на охоту и развивать хищный нрав.

— А-а.

Нин Гуйчжу сочувственно посмотрел на Эрцая. Горная охота звучала совсем не как лёгкое и безопасное занятие.

Щенок человеческих разговоров не понимал. Он лишь заметил, что его кость дважды придавили ногой, а потом ещё и оттолкнули в сторону. Тут же, виляя хвостом, он кинулся за ней, схватил зубами, отбежал подальше и только тогда снова улёгся грызть.

Сюн Цзиньчжоу ещё немного поиграл с собаками, но стоило Нин Гуйчжу подняться, как он мгновенно забыл о щенках и последовал за ним на кухню.

— Что будем делать?

— Помнишь, я говорил про средство от насекомых? Теперь у нас есть сычуаньский перец и корица. Сварю немного, поставлю остывать, а когда остынет, можно будет использовать.

На самом деле Нин Гуйчжу никогда не видел, чтобы средство от вредителей делали именно из сычуаньского перца и корицы. Обычно для этого использовали перец чили, древесную золу, настой сосновой хвои, настой листьев персика и тому подобное. Но ничего из этого под рукой пока не было, поэтому он решил сначала попробовать то, что есть.

Сюн Цзиньчжоу об этом не знал. Услышав объяснение, он развёл огонь. Сычуаньский перец и корица отправились в котелок, туда добавили воду, накрыли крышкой и поставили вариться. У очага было жарко, поэтому они не стали сидеть рядом и вернулись под навес у кухни.

Нин Гуйчжу достал повязку для волос и продолжил вышивать незаконченный узор. Сюн Цзиньчжоу покачивал веером из рогоза, повернув голову и глядя на него с такой нежностью, которой никто не замечал.

—

День отдыха незаметно подошёл к концу. Сегодня Сюн Цзиньчжоу нужно было выходить на службу. Поднявшись, он быстро прибрался дома, накормил собак и мула, выпустил собак играть, привязал Маньтоу к бамбуковой изгороди, а затем взял корзину и сходил нарезать дикой травы для кур и уток. За это время птицы уже сбросили густой пушок и начали обрастать жёсткими перьями, выглядя уже не так мило, как в детстве. Похоже, скоро они смогут нестись.

Сюн Цзиньчжоу бросил траву в загон, вернулся на передний двор и только тогда обнаружил, что Нин Гуйчжу уже встал. Он поставил вещи, вошёл на кухню и спросил:

— Что сегодня едим?

Нин Гуйчжу с улыбкой показал яйца в руке:

— Сделаю тебе яичные лепёшки. Сходи принеси зелёного лука.

— Хорошо.

Сюн Цзиньчжоу сразу отправился в маленький огород за домом. Нарезанный лук отправился в подготовленное тесто. Нин Гуйчжу налил в котёл немного масла, поднял его и постарался равномерно распределить, затем зачерпнул ложку теста и размазал его по дну.

Сюн Цзиньчжоу, видимо, раньше думал, что чем больше вещь, тем лучше, поэтому котёл у них был огромный. Раньше, когда Нин Гуйчжу жарил или кипятил воду, он казался как раз подходящим, но теперь, пытаясь одной рукой покачивать его, Нин Гуйчжу понял, насколько это тяжело.

Сюн Цзиньчжоу подошёл ближе:

— Давай я. Чжу-гер, ты только подсказывай.

— Ладно.

Нин Гуйчжу не стал отказываться. Раз уж сегодня ему не нужно было ехать в уезд преподавать, Сюн Цзиньчжоу вчера вечером совсем не сдерживался. Теперь у Нин Гуйчжу руки ныли даже без движения, так что возможность схитрить он, конечно, упускать не собирался.

Сюн Цзиньчжоу качал котёл, а Нин Гуйчжу следил за огнём и переворачивал лепёшки. Аромат яичных блинов на кухне становился всё гуще, от него живот сам начинал урчать. Одна за другой лепёшки быстро сложились высокой стопкой в чашке. Нин Гуйчжу сказал:

— Я схожу за соусом, а ты тут прибери.

— Хорошо.

После блинов котёл почти не испачкался. Сюн Цзиньчжоу быстро вымыл его, перелил воду после мытья в стоявший рядом бамбуковый тубус и заодно сполоснул чашку, в которой Нин Гуйчжу замешивал тесто.

Они сели за стол. Рядом с яичными лепёшками стояли мясной соус и соевая паста. Мясной соус выкладывали на лепёшку, слегка размазывали, затем складывали её и откусывали. Во рту разливалось полное, насыщенное удовольствие: вкус мясного соуса, обернутый ароматом яйца, был невероятно хорош.

А если намазать соевую пасту-хуандоуцзян, вкус становился совсем другим: солоновато-свежая паста тянулась тонкими нитями, а когда расходилась во рту, оставляла лёгкий аромат бобов; гладкая, душистая и вкусная, она была просто великолепна.

Позавтракав, они убрали несколько оставшихся яичных лепёшек в шкаф. Сюн Цзиньчжоу вытер рот и поднялся. Перед уходом он взял Нин Гуйчжу за руку, наклонился и поцеловал его:

— Я пошёл. Если с чем-то не справишься, зови отца с матерью.

— Знаю. Будь осторожен в дороге.

Нин Гуйчжу проводил его только до ворот. Посмотрев, как Сюн Цзиньчжоу уходит вдаль, он обернулся к пустому двору, подумал пару секунд, достал повязку для волос и сел под навесом вышивать узор. Узор на повязке был обычным облачным орнаментом, тянувшимся от конца ленты вверх. Один конец Нин Гуйчжу вышил ещё вчера, а теперь, немного подумав, спрятал имя Сюн Цзиньчжоу внутри узора.

Он шил недолго, когда пришёл каменщик с людьми. Увидев Нин Гуйчжу, тот спросил:

— Сюн-фулан, куда складывать камни?

Нин Гуйчжу поднял голову:

— Куда вам удобнее.

Каменщик кивнул и вместе с учеником разгрузил камни с ослиной повозки у ворот. С собой он привёл двух учеников, а ещё братьев и приятелей, которые давно работали вместе с ним. Камни с двух повозок быстро выгрузили. Затем ученики снова увели ослов - для стены нужно было немало камня, тем более Нин Гуйчжу хотел стену повыше, так что пока здесь шла работа, нужно было успеть привезти всё остальное. Увидев, что оставшиеся люди начали мотыгами копать канаву снаружи вдоль бамбуковой изгороди, Нин Гуйчжу отложил вышивку, взял мотыгу и пошёл на задний двор. Он выкопал горчицу, росшую у подножия изгороди, и пересадил её на другой край огорода.

Эти ростки горчицы он раньше принёс целыми, когда собирал дикорастущую зелень. За месяц они заметно подросли, листья стали грубее, но Нин Гуйчжу не обращал на это внимания: эту горчицу он всё равно собирался потом переработать и оставить на зиму.

Пересадив всё, он вернулся на передний двор, вымыл руки и зашёл на кухню. Утром он заранее вскипятил воду и оставил её остывать в кувшине. Теперь она уже не была горячей. Нин Гуйчжу перенёс кувшин на стол у колодца, поставил рядом чашку и сказал занятым людям:

— Здесь кипячёная остывшая вода. Если захотите пить, сами наливайте.

— Хорошо! — люди ответили кто как, немного вразнобой.

Нин Гуйчжу снова сел под навесом и продолжил шить повязку для волос. Едва он успел сделать несколько стежков, как из переднего дома пришла Лю Цюхун. В руках у неё тоже были ткань, игла и нитки. Увидев занятых работой мастеров, она с улыбкой поздоровалась.

На десять ли вокруг была только одна артель каменщиков, и стену у дома Лю Цюхун тоже когда-то делали они. Увидев знакомого человека, мастера оживились, остановились и обменялись с ней парой фраз. Но всего лишь парой и вскоре снова вернулись к работе.

Нин Гуйчжу поднялся ещё когда услышал голоса. Он налил Лю Цюхун чашку воды и с улыбкой сказал:

— Матушка, вы сегодня рано пришли.

Лю Цюхун взяла чашку, села на скамейку рядом и весело ответила:

— А то я боялась, что тебе одному будет неловко. Пришла пораньше, вдруг где понадобится помочь.

Нин Гуйчжу с улыбкой кивнул. Они сели рядом. Лю Цюхун стала разбирать принесённую ткань и, заметив вещь в руках Нин Гуйчжу, спросила:

— Это повязка для волос?

— Да, для Цзиньчжоу, — Нин Гуйчжу показал ей вышивку на наполовину готовой повязке. — Здесь ещё его имя.

Лю Цюхун не знала грамоты, но, посмотрев, всё равно похвалила:

— Красиво.

Нин Гуйчжу улыбнулся. Вышивки на повязке оставалось немного, и он быстро закончил. Затем с любопытством взглянул туда, где работали каменщики. В этом времени не было цемента, но существовало что-то похожее для скрепления камней. Только смесь мастера принесли с собой, и Нин Гуйчжу, глядя издали, не мог понять, что именно в неё входит.

Он отложил готовую повязку в сторону, взял бамбуковые полосы у стены и принялся за плетение. Лю Цюхун, увидев это, немного подвинулась, оставляя ему достаточно места. Ближе к полудню Сюн Шишань принёс немного диких овощей, не дав Нин Гуйчжу трогать зелень в огороде за домом.

Поэтому на обед основными блюдами стали грубые паровые булочки и батат, а из овощей - салат из диких трав и жареная зелень, в которую добавили совсем немного соломки из вяленого мяса. Вообще-то Нин Гуйчжу собирался приготовить всё вяленое мясо целиком, но Лю Цюхун не позволила.

— Если кормить работников мясом, — сказала она, — то потом по округе пойдут разговоры, будто у тебя можно пожить за даром.

Немного мясной соломки для вкуса вполне достаточно.

Подумав, Нин Гуйчжу решил, что в этом есть смысл, и не стал настаивать. Когда еду для рабочих вынесли на стол, он и Лю Цюхун пообедали за маленьким столиком на кухне. Их блюда ничем не отличались от тех, что подали работникам.

Хотя на столе были самые обычные салат из диких трав и жареная зелень, Нин Гуйчжу не жалел приправ, да и готовил хорошо, поэтому обед получился очень вкусным. Рабочие ели, переговариваясь между собой, и время от времени отпускали похвалы. Вся еда на столе была съедена подчистую. Немного отдохнув после трапезы, они снова взялись за работу.

Нин Гуйчжу тем временем собрал и вымыл чашки и палочки для еды, а Лю Цюхун помогала ему рядом.

Вторая половина дня пролетела быстро. Когда Сюн Цзиньчжоу вернулся домой, каменщики всё ещё работали. По обе стороны от ворот уже вырисовывались очертания будущей стены - около полуметра высотой, ровной и аккуратной.

Пройдя через ворота, Сюн Цзиньчжоу сначала поздоровался с Лю Цюхун, а затем по привычке протянул руку и взял Нин Гуйчжу за руку.

— Ну как прошёл день? Всё гладко?

— Всё хорошо, — ответил Нин Гуйчжу.

Лю Цюхун, наблюдая за ними со стороны, почувствовала лёгкую неловкость и, поднявшись, сказала:

— Ну, тогда я пойду.

— Мама, счастливого пути.

Проводив её взглядом, Сюн Цзиньчжоу стал ещё менее сдержанным и сразу переплёл свои пальцы с пальцами Нин Гуйчжу.

Нин Гуйчжу невольно покосился на рабочих. Убедившись, что те заняты делом и не смотрят в их сторону, он немного успокоился.

Подняв глаза, он укоризненно посмотрел на мужа:

— Совсем никаких приличий не знаешь.

Сюн Цзиньчжоу усмехнулся:

— Не сегодня же я впервые стал таким бесцеремонным.

Нин Гуйчжу поперхнулся словами.

Деревня, где жили каменщики, находилась довольно далеко от деревни Сяохэ. Поэтому вскоре после возвращения Сюн Цзиньчжоу они закончили работу, допили воду, попрощались с супругами и отправились домой.□

Нин Гуйчжу подошёл к каменной стене, посмотрел на неё и поднял взгляд на Сюн Цзиньчжоу:

— Это хорошо сделано или не очень?

— Очень даже неплохо, — ответил Сюн Цзиньчжоу.

Услышав это, Нин Гуйчжу успокоился. Он выпрямился и сам взял Сюн Цзиньчжоу за руку:

— Что хочешь на ужин?

— М-м, всё равно. У нас дома, кажется, мяса уже нет?

— Немного вяленого осталось. Приготовить?

Сюн Цзиньчжоу теперь уже видел мир и к домашнему вяленому мясу особого интереса не испытывал. Услышав это, он засучил рукава:

— Подожди, я схожу к реке и поймаю рыбу.

— Тогда я с тобой. Заодно наберу немного диких трав.

Они взяли бамбуковую корзину и вышли из дома. У ворот семьи Сюн встретили

возвращающегося Сюн Цзиньпина и поздоровались:

— Старший брат.

— Угу. Вы куда? — спросил Сюн Цзиньпин.

— Рыбу ловить, — с улыбкой ответил Сюн Цзиньчжоу. — Брат, пойдёшь с нами?

Сюн Цзиньпин было заинтересовался, но, увидев, как эти двое стоят рядом, словно неразлучные, покачал головой:

— Нет, вы идите.

Эти двое явно собирались не просто работать. Если он пойдёт с ними, будет только лишним.

После его отказа Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу попрощались и, держась за руки, направились к реке. В это время большинство людей уже вернулись домой отдыхать, в полях почти никого не было, поэтому они открыто шли за руку до той самой речной отмели, где уже бывали раньше.

Сюн Цзиньчжоу поискал вокруг и нашёл ту самую палку, которой прежде бил рыбу.

— Тогда ты лови рыбу, а я поищу зелень.

Сюн Цзиньчжоу посмотрел на него:

— Далеко не отходи. Держись рядом. Не найдёшь зелень - и ладно, безопасность важнее.

— Хорошо, я знаю, — громко ответил Нин Гуйчжу.

К этой речной отмели время от времени приходили люди, так что всё съедобное среди травы уже почти собрали. Нин Гуйчжу долго искал и наконец нашёл немного сушеницы*. Он взял бамбуковую корзину, подошёл к воде и присел у ручья на некотором расстоянии от Сюн Цзиньчжоу, чтобы промыть траву.

(ПП: это сушеница топяная (*Gnaphalium affine*), съедобная трава, которую в Китае используют для приготовления цинтуаня - зелёных рисовых шариков. Она имеет мягкий, чуть сладковатый вкус и характерный травянистый аромат.)

Сюн Цзиньчжоу время от времени посматривал на Нин Гуйчжу, а когда увидел, что тот подошёл к воде, всё внимание снова сосредоточил на рыбе. Деревянная палка в его руке резко

ударил в низ.

Плеск!

Бьющаяся рыба взлетела из воды, подняв фонтан брызг.

Нин Гуйчжу обернулся на звук и, увидев, что Сюн Цзиньчжоу поймал рыбу, достал из бамбуковой корзины нож и положил рядом. Сюн Цзиньчжоу широким шагом подошёл. Он взял нож и, разделывая рыбу, заметил зелень в руках Нин Гуйчжу. Между делом спросил:

— Это что?

— Шуцьюцао, — Нин Гуйчжу покачал травой в руке. — Её можно заправить холодной, сварить в супе, пожарить с яйцом тоже неплохо. Или смешать с мукой и сделать жареные шарики. Как хочешь?

Сюн Цзиньчжоу протянул:

— М-м... давай холодной закуской. Рыбу ещё готовить долго.

— Хорошо.

Пока они разговаривали, Нин Гуйчжу уже промыл шуцьюцао. Увидев, что Сюн Цзиньчжоу начал потрошить рыбу, он поднялся, нашёл несколько больших листьев и завернул в них рыбы внутренности и чешую. Вернувшись домой, Нин Гуйчжу понёс зелень на кухню, а Сюн Цзиньчжоу высыпал принесённые внутренности и чешую в загон, чтобы куры и утки склевали.

Тесто замесили и отложили. В котле вскипятили воду, шуцьюцао ошпарили и отставили в сторону. Нин Гуйчжу вычерпал воду, высушил котёл на огне, налил достаточно масла и положил подготовленную рыбу жариться. Когда обе стороны стали золотистыми, он временно переложил рыбу в сторону, обжарил в котле сычуаньский перец до аромата и вынул его. Затем добавил соевый соус, немного уварил и вернул рыбу обратно, подлив воды для тушения.

Подготовленное тесто Нин Гуйчжу разделил и расплющил в несколько лепёшек одинаковой толщины. Прилепив их к стенкам котла, он накрыл крышкой, уменьшил огонь и оставил всё медленно тушиться.

Когда Сюн Цзиньчжоу вошёл на кухню, Нин Гуйчжу уже почти закончил. Он взял стоявшую рядом ошпаренную шуцьюцао и подошёл к шкафу:

— Чжу-гер, эту шуцьюцао заправить соевой пастой или мясным соусом?

— Как хочешь, сам реши.

Услышав слова Нин Гуйчжу, Сюн Цзиньчжоу немного помедлил и потянулся за хуандоуцзян. У соевой пасты был хороший вкус, а размятые бобы давали мягкую, плотную текстуру - есть её было очень приятно. И главное: нельзя позволить диким травам затмить рыбу.

Рыба в котле уже приготовилась. Нин Гуйчжу палочками проткнул лепёшку и посмотрел, затем сначала выложил рыбу, посыпал зелёным луком, после чего снова накрыл крышкой и ещё немного потомил. Лишь затем он снял лепёшки, а оставшийся соус полил поверх рыбы.

— Давай есть.

Нин Гуйчжу вынес блюдо на стол, а Сюн Цзиньчжоу шёл следом с чашкой лепёшек.

Жареная рыба снаружи была хрустящей, но за время тушения напиталась солоноватым ароматным соусом. Вместе с запахом ошпаренного зелёного лука и лёгким онемением от сычуаньского перца вкус был великолепен. Лепёшки, прилепленные к стенкам котла и томившиеся под крышкой, с одной стороны получились хрустящими, с другой - мягкими, а часть их впитала соус. С рыбой они шли так хорошо, что оба ели, не поднимая головы.

После насыщенной маслом и солью рыбы стоило попробовать холодную шуцуйцао, и её свежий вкус на фоне хуандоуцзян становился ещё ярче: хрустящая, нежная, особенно вкусная вместе с рыбой.

Лепёшек оказалось ровно столько, сколько нужно. Нин Гуйчжу отложил палочки, а оставшееся Сюн Цзиньчжоу доел подчистую: макал в соус, ел с рыбой, добавлял шуцуйцао - вкусно!

После сытного ужина всё тело стало ленивым. Они пили воду, сидя за столом и глядя наружу. Издалека доносились крики кур и лай собак; солнце уже село, но мир всё ещё оставался светлым. Птицы возвращались в гнёзда и садились на верхушки деревьев - всё было спокойно и безмятежно.

— Ты говорил старшему брату и невестке, что они могут пользоваться нашим Маньтоу? — вдруг спросил Нин Гуйчжу.

— Говорил, — ответил Сюн Цзиньчжоу. — Невестка сказала, что завтра утром придёт за ним. Я встану и сначала накормлю Маньтоу.

Старший брат с невесткой были не из тех, кто пользуется чужим добром без меры. Раз уж займут Маньтоу для работы, наверняка накормят его досыта перед возвращением. Но они не знали, что Маньтоу каждый раз ещё ест булочку, так что дома всё равно лучше покормить заранее.

Нин Гуйчжу тихо угукнул, долго смотрел на двор, подперев щеку рукой, а затем поднялся и размялся, собираясь готовить ужин для собак и Маньтоу.

Сюн Цзиньчжоу тем временем собрал чашки и палочки и понёс их мыть.

— Даван! Эрцай!

Нин Гуйчжу вышел во двор с чашкой в руках и позвал пару раз. Услышав ответный лай щенков, он первым пошёл к боковой стороне, разложил им еду, затем подошёл к бамбуковой изгороди, развязал повод Маньтоу и отступил в сторону.

Маньтоу ловко перепрыгнул через изгородь, опустил голову, потёрся о Нин Гуйчжу и тут же нетерпеливо направился в навес. Но есть булочку он не спешил, лишь смотрел на Нин Гуйчжу своими влажными большими глазами.

— Подожди, — с улыбкой сказал Нин Гуйчжу, погладил Маньтоу по голове, снял для него немного соломы и сухой травы и положил перед ним.

Мул жевал сено, поглядывал на грубую булочку и снова довольно продолжал жевать. Нин Гуйчжу немного посмотрел, как он ест. В это время две собаки тоже радостно вернулись, потёрлись о его голени и тут же бросились к ужину, громко чавкая. Нин Гуйчжу заглянул в загон. Рыбьи внутренности и чешуя, которые они принесли, уже были склёваны курами и утками, так что он поймал птиц и посадил их в клетки.

Вернувшись на передний двор, он увидел, что Сюн Цзиньчжоу уже всё прибрал и сидит у кухонной двери, ожидая, пока закипит вода. Нин Гуйчжу подошёл и сел рядом с ним.

<http://bllate.org/book/14958/1689574>